
DOI 10.15393/j9.art.2014.730

Вячеслав Анатольевич Кошелев

*доктор филологических наук, профессор,
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Российская Федерация)*
anatoly.koshelev@novsu.ru

ЧЕТЫРЕ «МОЛИТВЫ» М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Аннотация. Современники Лермонтова протестовали против суждений о «безнравственности» и «безрелигиозности» поэта, который был, в сущности, глубоко православным человеком. Это отразилось и в его лирике: среди сравнительно небольшого числа его стихов — четыре носят заглавие «Молитва», то есть претендуют на прямое «возношение ума и сердца к Богу». В статье рассматриваются эти стихи, представляющие разные возможности воплощения единого «молитвенного» чувства. Лермонтов в них чрезвычайно многообразен: от молитвы-«призывания» и прямого «прошения» приходит к откровению Богородичной иконы и к осознанию особенного воздействия молитвенного ощущения на душу человека. Рассмотрение этих «молитвенных» текстов в одном ряду создает впечатление «полного круга» поэтического постижения Божества: от романтического обращения к Всевышнему с осознанием безысходности избранного пути — до иронического «прошения» к «Царю Небесному» избавить от тягот юнкерской жизни; от страстного монолога к Богородице с молением за несчастную возлюбленную — до осознания особенной значимости для христианина «созвучья» молитвенных слов, до создания предельно широкого и общего образа молитвы. Молитва без «призывания» и «прошения» оказывается одновременно и радостной, и «благодатной», предназначенной для «трудной», грустной «минуты жизни».

Ключевые слова: молитва, сопереживание, прошение, откровение, исполнение, М. Ю. Лермонтов

Из 28 текстов, вошедших в единственный прижизненный сборник стихотворений Лермонтова, два носят одинаковое заглавие: «Молитва». Одно стихотворение (на с. 43–44) сопровождается датой «1837»; другое (с. 71–72) — датой «1839». Поэт, как известно, сам придирчиво составлял свой дебютный сборник — и подобная акцентировка на «молитвенной» теме, приближавшей его лирическое творчество к «духовной поэзии» (кстати, достаточно непопулярной в ту эпоху¹), очень показательна. Среди небольшого состава сборника — два стихотворения с заглавием «Молитва» — между тем, как во всем творческом наследии Пушкина нет *ни одного* текста, так

названного (хотя есть, например, прямое переложение знаменитой великопостной молитвы Ефрема Сирина). Но в данном случае важно именно *заглавие*.

Первая «Молитва» была написана весной 1837 года перед отъездом Лермонтова в первую кавказскую ссылку [4, 45]. Через год, накануне отъезда из Петербурга в Селищенские казармы, Лермонтов послал его М. А. Лопухиной (в письме от 15 февраля 1838): «В заключение этого письма посылаю вам стихотворение, которое случайно нашел в ворохе моих дорожных бумаг, оно мне довольно-таки нравится, именно потому, что я совсем забыл его — впрочем, это ровно ничего не доказывает» (V, 396, 549)². В этом автографе стихотворение носит заглавие «Молитва Странника». Помещая его в сборник, поэт убрал второе слово: неважно, что от «странника», главное — *молитва*.

«*Молитва* вообще, — определяет архимандрит Никифор, — есть возношение ума и сердца к Богу, являемое благоговейным словом человека к Богу. Образцом для всех молитв или общею христианскою молитвою, несомненно, должно назвать *Молитву Господню: Отче наш* и т. д. (Мф. VI, 9–13), которой Господь наш Иисус Христос научил апостолов и которую они передали всем верующим. Она разделяется: на призывание, семь прошений и славословие»³. «Между молитвой и лирическим стихотворением, — отмечает современный исследователь, — есть много общего: и молитва и поэзия — это озарение души, и молитва и поэзия, в представлении большинства поэтов, есть удаление от земной суеты и приближение к Богу» [9, 6].

Для христианина идеальной молитвой считается «безмолвная» молитва, когда молящийся находится в состоянии полной открытости Богу. В поэзии же (которая без слов существовать не может) текст молитвы не «исполняется», а *творится*. На этом основано существенное различие между молитвой и поэзией: в поэзии очень значимо понятие «инаковости», формирующее совершенно иное, чем в молитве, эстетическое чувство, которое проистекает не от переживания, а от *сопереживания*. Дистанция, на которой такое сопереживание возможно, вполне определена: даже если

поэт в лирическом стихотворении, названном «Молитва», искренне и сердечно обращается к Богу, то он все равно находится в определенной зависимости от реакции на свою личность и свое творение других людей. Душа поэта охвачена огнем вдохновенья, и это особое чувство стремится к «жаркой» и «страстной» молитве. «А христианская молитва должна быть тихой и "теплой". Митрополит Антоний (Сурожский) учит, что *"приходя к Богу, мы никогда не должны стараться выдавить из своего сердца какие-то эмоции; молитва — это констатация, все остальное зависит от Бога"*. Чтобы молиться, нужно освободиться от жара вдохновенья и "жажды песнопенья"» [9, 7].

Именно размышлениям над этим противоречием было посвящено раннее стихотворение Лермонтова под заглавием «Молитва». Оно сохранилось в юношеской тетради и датируется 1829 годом (Лермонтову 15 лет). Оно как будто близко к традиции православной молитвы: тут находим и «призывание», и «прошения», и «славословие». Как многие юношеские стихи поэта, оно исходит из «образца», указанного еще Б. М. Эйхенбаумом (I, 438): это стихотворение Д. В. Веневитинова «Моя молитва» («Души неведомый хранитель! / Услышь моление мое...»). «Прошение», содержавшееся там, оказалось близко Лермонтову:

Не отдавай души моей
На жертву суетным желаньям,

Но воспитай спокойно в ней
Огонь возвышенных страстей.⁴

«Прошение» в ранней «Молитве» Лермонтова, в сущности, такое же: «Не обвиняй меня, Всесильный...», «Но угаси сей чудный пламень...» — этими молениями открываются две части стихотворения. Содержание того, о чем просит поэт, оказывается очень непростым. Он молит Господа не обвинять и не наказывать носителя «жаркого» поэтического дара:

За то, что редко в душу входит
Живых речей Твоих струя,
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от Тебя;

За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К Тебе ж проникнуть я боюсь
И часто звуком грешных песен
Я, Боже, не Тебе молюсь. (I, 65)

«Мысль о Боге, — заметил Д. Е. Максимов, — не наполнена здесь определенным содержанием — она выдвигается прежде всего как ограничительный знак» [5, 94]. Этому «знаку» соответствует и итоговая мольба:

От страшной жажды песнопенья
Пускай, Творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К Тебе я снова обращаюсь. (I, 65)

В отличие от Веневитинова, Лермонтов молит Творца не «воспитать» в поэте возвышенные чувства, — а *уничтожить в нем поэта*: только в этом случае окажется возможным «правильное» исполнение религиозного долга. Предметом поэтической рефлексии в данном случае становится евангельский завет Христа: «Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее. Кто принимает <...> пророка, во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника» (Мф. 10, 39–41).

И. А. Киселева видит в ранней лермонтовской «Молитве» странную дилемму, которую высказывает поэт: «Или не писать вообще, или писать страстно» [3, 74]. Но ни о какой «страстности» поэтического творчества здесь речи не идет. Удивление поэта глубже: «Я, Боже, не Тебе молюсь». Каково такое признание в *молитве*, к Богу обращенной? У молящегося благоговение проистекает от ощущения дистанции между ним и Богом, а поэт эту дистанцию пытается преодолеть. Истинный романтический поэт — творец, и он ощущает себя соперником Творца, в стихах он каждый раз называет мир по-новому.

Поэт, по определению, не может существовать без «сбереженной души». Любая «ограничительная» регламентация и требование «потерять» душу ради Вышнего Судии — убивают творчество. Б. М. Эйхенбаум готов видеть в этом утверждении раннее лермонтовское «богоборчество»: перед нами «не молитва, а вежливое, но, по существу, очень саркастическое извинение перед Богом» [11, 339]. Но это именно *молитва* — не случайно так названо: 15-летний поэт ощущает исходную невозможность совмещения «страшной жажды песнопенья» и «награды праведника» и искренно молит освободить его от открывшегося в нем поэтического дарования — пока не поздно! В сущности, это трагическая молитва поэта, осознавшего безысходность избранного пути — именно этот мотив делает стихотворение одним из вершинных в его ранней лирике — наряду с более поздними «Ангелом» и «Парусом».

Только первая, юношеская, «Молитва» Лермонтова выглядит именно *молитвой*. Уже следующий текст, названный таким образом, кажется весьма далеким от заявленных изначально мотивов. Речь идет о «Юнкерской молитве» (1833), шутовском обращении к Богу, в котором молитвенная форма сочеталась с деталями быта Школы гвардейских подпрапорщиков, а молитвенные формулы — с воинскими терминами и словечками разговорного стиля:

Царю Небесный!
Спаси меня
От куртки тесной,
Как от огня.
От маршировки
Меня избавь,
В парадировки
Меня не ставь... и т. д. (I, 397)

Хронологически «Юнкерская молитва» оказывается рядом с «юнкерскими поэмами» Лермонтова — неприязательными и не вполне приличными рассказами о текущей жизни, окружавшей поэта «два ужасных года», проведенных в станах закрытого военно-учебного заведения. «Как бы

отрицательно ни относиться к тематике этих произведений, — отметил еще С. Н. Дурылин, — и как бы ни сожалеть о затрате творческих сил поэта на эти поэмы, остается бесспорным важным факт: *в юнкерских поэмах Лермонтов-писатель впервые обратился к прямому воспроизведению действительности в форме реалистического рассказа* [2, 199].

«Форма реалистического рассказа» определила и трансформацию жанра молитвы. Здесь уже нет «славословия», и «призывание» предельно конкретно: «Царю Небесный!..». И «прошения» по-военному точны: от того-то «избавь», а, допустим, из отпуска «дай разрешение мне опоздать». *Молитва* действительно приобретает вполне «реалистические» черты — тем более, что в конце ничего не говорится о возможности «праведнической» жизни. «Обещание» тоже предельно конкретно и реалистично:

Я, Царь Всевышний,
Хорош уж тем,
Что просьбой лишней
Не надоем (I, 397).

Как ни парадоксально, именно «Юнкерская молитва» подсказала поэту формы той молитвенной «констатации», которая оказалась наиболее соответственной самому жанру поэтической «молитвы», свободной и от «недуга словобесия», и от гордыни тщеславия. Четыре года спустя, накануне первой кавказской ссылки, он пишет поминавшееся уже стихотворение «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...», которое, отметил П. А. Флоренский «возникло в тревожной и мятущейся душе Лермонтова», как откровение Богородичной иконы [10, 364]:

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред Твоим образом, ярким сиянием... (II, 25)

Именно восприятие этого стихотворения как откровения перед образом Богородицы позволяет уточнить его датировку. Лермонтов в цитированном выше письме к М. А. Лопухиной указал, что «случайно нашел» его «в моих *дорожных бумагах*». В дорогу в 1837 году он выехал

19 марта, 23 марта — приехал в Москву (где оставался до 10 апреля) [6, 78–79]. 25 марта православные христиане отмечают день Благовещенья. За пять лет до того (25 марта 1832 г.) было знаменитое явление Божьей Матери в день Благовещенья преподобному Серафиму Саровскому — перед иконой «Умиление» («Радость всех радостей»), перед которой старец молился за «сирот дивеевских» [7, 402–404]. Вероятно, и лермонтовская «Молитва» связана с Благовещенской церковной службой: «Днесь спасения нашего главизна / и еже от века таинства явление: / Сын Божий Сын Девы бывает, / и Гавриил благодать благовестует. / Тем же и мы с ним Богородице возопиим: / радуйся, Благодатная, / Господь с Тобою!» (Тропарь, глас 4).

Ср. у Лермонтова:

Не за свою молю душу пустынную
За душу странника в мире безродного;
Но я хочу вручить деву невинную
Теплой Заступнице мира холодного. (II, 25)

Начиная с «хваления», поэт уже в самом начале акцентирует момент конкретности: именно «ныне» молится он не о себе, не обращается к «Теплой Заступнице мира холодного» о спасении «перед битвою», с благодарностью или «с покаянием». Здесь — прошение за другого, за «деву невинную». И. А. Киселева почему-то связывает его с патриотическими мотивами: «Пресвятая Богородица в церковных молитвах к Ней предстает именно как “Мати и Заступница”. Именно с образом Божией Матери связано спасение российской государственности в самые её тяжёлые времена. Казанская, Владимирская, Тихвинская, Смоленская и другие чтимые образы Пресвятой Богородицы не раз спасали русскую землю...» [3, 275].

Но в своем лирическом монологе поэт отнюдь не выходит за пределы собственно интимных «просений». Он включает три образа: Божьей Матери, лирического героя и той «девы невинной», о которой он молится. При этом внутренняя драма героя — одинокого странника с «душой пустынной» — отодвинута на второй план: важнее оказывается образ

«девы», ее нравственная чистота и незащищенность перед враждебным «миром холодным». Это представление рождает интонацию просветленной грусти по «сердцу незлобному» — и одновременно надежды на светлый мир упования, в котором «Теплая Заступница» сумеет охранить весь жизненный путь «души прекрасной». Стихотворение настолько интимно, что совсем несложно определить основного персонажа поэтической молитвы — Варвару Лопухину... Более того: в пределах того же лирического монолога, пишет Б. М. Эйхенбаум, «имеется скрытый сюжет и дается конкретная ситуация»:

Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования. (II, 25)

Всё это потребовало особенного ритмико-синтаксического строения «Молитвы». «Лермонтов сообщает здесь обыкновенному дактилю особый характер распева, превращая первую и третью стопы в трехсложные анакрузы, так что стих распадается на две половины <...> образуя большую частью синтаксический параллелизм...» Подобное строение, указывает исследователь, «свидетельствует о нарушенном равновесии между стихом и словом, характерном для эпохи Лермонтова» [11, 236–237]. Но такое же «неравновесие» свойственно жанру молитвы: Лермонтов в данном случае наиболее чутко отразил — даже и в стихе — особенное «молитвенное» состояние христианина, представив «молитву поэта» в ее пределе.

Тем показательнее, что в последнем стихотворении, тоже названном «Молитва» (1839), поэт уже исходит из иных идеалов и образов:

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых,

И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.
С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко... (II, 49)

На фоне остальных поэтических «молитв» Лермонтова приведенное стихотворение выглядит самым «простеньким» — и самым непонятным. И вместе с тем — особенно популярным в его художественном наследии, восторженно принятым современной поэту критикой и читателями. Достаточно указать, что его положили на музыку более 40 композиторов, включая М. И. Глинку, М. П. Мусоргского, А. С. Даргомыжского, Ф. Листа. Оно входило во многие хрестоматии, выучивалось наизусть. И, кажется, обрело какую-то особенную жизнь, не совпадающую с историей его создания.

По двусмысленному свидетельству А. О. Смирновой-Россет, оно было плодом ухаживания поэта за вдовой М. А. Щербатовой (мемуаристка характеризует ее как «доброе существо, но глупая, некультурная и не очень красивая»): «Машенька велела ему молиться, когда у него тоска. Он ей обещал и написал эти стихи»⁵.

Впрочем, в подобной характеристике княгини Щербатовой чувствуется ревность Смирновой к светской «сопернице», которая вовсе не была ни «глупой», ни «некультурной». Ей было двадцать лет, и, по характеристике самого Лермонтова, она была «такая, что ни в сказке сказать, ни пером написать» [4, 49]. М. И. Глинка в записках отметил, что она «была прелестна, но не красавица, была видная, статная и чрезвычайно увлекательная женщина»⁶.

Для нашей темы важно, что судьба Щербатовой сложилась, ко времени знакомства с поэтом, весьма драматично. Ее муж ее скончался через год после женитьбы. Через несколько дней после смерти мужа родился ребенок, который умер в двухлетнем возрасте [1, 21–22]. Лермонтов был влюблен в Щербатову и в 1838–1840 гг. часто бывал у нее в Петербурге и в Павловске. Говорили даже, что поэт собирался на ней жениться. Во всяком случае, она стала одной из причин дуэли

Лермонтова с Э. Барантом. После этой дуэли Щербатова уехала в Москву. Перед отъездом она простилась с поэтом, сидевшим на гауптвахте. В Москве ее посетил А. И. Тургенев, сделавший в дневнике от 10 мая 1840 года краткую, но выразительную запись: «Был у кн. Щербатовой. Сквозь слезы смеется. Любит Лермонтова»⁷. Кроме «Молитвы», со Щербатовой связаны стихотворения Лермонтова «На светские цепи...» и «Отчего» («Мне грустно, потому что я тебя люблю...»). Их объединяет странный оттенок внутреннего психологического трагизма, явленного именно в житейской обыденности.

Такова, в сущности, и последняя «Молитва». Она ярко отличается от трех предыдущих именно тем, что здесь нет собственно *молитвы* — представлено только ее восприятие и ощущение молящегося. Перед нами — не «сотворенная», а заученная «наизусть» некая реальная молитва. Но невозможно указать, к кому она обращена: здесь нет ни «призывания», ни «прошения». И даже неясно, что же особенно «чуждого» в этой молитве. Почему-то она одновременно и радостная, и «благодатная» — и предназначена для «трудной», «грустной» «минуты жизни». Это — молитва для настроения тяжелой рефлексии и скептицизма.

«Существует два главных источника молитвы, — констатирует В. А. Сапогов, — первый — восторженное изумление перед Богом, делами Божьими и Божьим миром, второй — чувство трагичности бытия. <...> В русской жизни поэт чаще всего фигура жертвенная, страдающая, гибельная. Из этого чувства трагичности жизни — своей и особенно других — рождается молитва поэта» [9, 8–9]. В данном случае, однако, молитва эта особенная: в ней особенную значимость приобретает не столько сакральный смысл высказывания, сколько именно «созвучье слов живых» — то есть некое ее «исполнение». Это ни в коем случае не «безмолвная» молитва: поэт не только не хочет «сказаться душой» — «без слова», но ищет именно *в словах и звуках* какого-то особенного способа влияния на уставшую от трагичности бытия душу.

Странные возможности «из пламя и света рожденного слова» — давний предмет поэтической рефлексии Лермонтова:

Есть слова — объяснить не могу я,
Отчего у них власть надо мной...
(«К Д.», 1831; I, 242)

Есть звуки — значенье ничтожно,
И презрено гордой толпой —
Но их позабыть невозможно:
Как жизнь, они слиты с душой...
(«К *», 1832; I, 369)

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно! —
Но им без волненья
Внимать невозможно...
(«Есть речи — значенье...», 1839; II, 65)

В подобном мироощущении важное значение имели именно звуки речи, а не смысл произносимых слов. Противоречие между звуком и значением — это антиномия чувства и возможности его выразить. В пределе подобное ощущение особенных «речений» возможно не «среди шума мирского» — но именно «в храме, среди боя»: «Не кончив *молитвы*, / На звук тот отвечу...» (II, 65). То есть основой такой речи должно быть *молитвенное* слово: именно оно, запечатленное в ушедших звуках, определяет самопроизвольность светлого душевного порыва, которому сразу хочется отдаться: «И верится, и плачется, / И так легко, легко...»

В творческом развитии Лермонтова обращения к «молитвенной» теме совершили как бы полный круг. От романтического обращения к Всевышнему с осознанием безысходности избранного пути — до иронического «прошения» к «Царю Небесному» избавить от некоторых тягот юнкерской жизни. От страстного монолога к Богородице с молением за несчастную возлюбленную — до осознания особенной значимости для христианина «созвучья» молитвенных слов, до создания предельно широкого и общего *образа молитвы*.

А. П. Шан-Гирей, знавший Лермонтова с детских лет, активно протестовал против суждений о «безнравственности» поэта: «...хотя он и не отличался особенно усердным выполнением религиозных обрядов, но не был ни атеистом,

ни богохульником. Прочтите его пьесы «Я, мать Божия, ныне с молитвою», «В минуту жизни трудную», «Когда волнуется желтеющая нива», «Ветка Палестины» и скажите, мог ли человек без теплого чувства в сердце написать эти стихи?» [4, 48]

Примечания

- ¹ Так, Н. А. Полевой в статье «О духовной поэзии» (Библиотека для Чтения, 1836. Т. XIV. № 1. Библиография. С. 96–107) обрушился на это «ложное направление» словесности.
- ² Сочинения и письма Лермонтова приводятся (с указанием тома и страницы) по изд.: *Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. соч. в 5 т. / Ред. и комм. Б. М. Эйхенбаума. М.-Л.: Academia, 1936–1937.
- ³ Библийская энциклопедия / Изд. архимандрита Никифора. М., 1891. С. 484.
- ⁴ *Веневитинов Д. В.* Стихотворения. Л., 1940. С. 47.
- ⁵ *Смирнова-Россет А. О.* Воспоминания. Автобиография. М., 1931. С. 247. В позднейшем научном издании дневника и воспоминаний Смирновой-Россет (М., 1989) это свидетельство отсутствует.
- ⁶ *Глинка М. И.* Литературное наследие. Т.1. М.-Л., 1952. С. 152.
- ⁷ Литературное наследство. Т. 45–46. М., 1948. С. 371–372; 420.

Список литературы

1. *Герштейн Э.* Судьба Лермонтова. М.: Сов. писатель, 1964. 496 с.
2. *Дурылин С. Н.* На путях к реализму // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. Исследования и материалы. Сб. 1. М.: Гослитиздат, 1941. С. 163–250.
3. *Киселева И. А.* Творчество М. Ю. Лермонтова как религиозно-философская система. М.: МГОУ, 2011. 313 с.
4. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1964. 583 с.
5. *Максимов Д. Е.* Поэзия Лермонтова. М.-Л.: Наука, 1964. 265 с.
6. *Мануйлов В.* Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М.-Л.: Наука, 1964. 200 с.
7. Очерки по истории Русской Святости / Сост. Иеромонах Иоанн (Кологривов). Брюссель: Жизнь с Богом, 1961. 420 с.
8. *Пумпянский Л.* Стиховая речь Лермонтова // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 43–44. С. 389–424.
9. *Сапогов В. А.* Поэзия и молитва // Молитва поэта. Псков: Сельцо Михайловское, 1999. С. 5–10.
10. *Флоренский П. А.* Имена. М.: Эксмо-Пресс, 1996. 355 с.
11. *Эйхенбаум Б. М.* Статьи о Лермонтове. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 372 с.

Vyacheslav Anatolievich Koshelev

Doctor of Philology, Professor, Novgorod State University named after Yaroslav the Wise (Great Novgorod, Russian Federation)

anatoly.koshelev@novsu.ru

FOUR “PRAYERS” OF MIKHAIL LERMONTOV

Abstract. Lermontov’s contemporaries were against the judgments about the poet’s “amorality” and “lack of religious belief”, who was, in fact, a truly devoted Orthodox Christian. This is reflected in his poetry: four works out of a short list of his poems are entitled *The Prayer*, in other words, aspire to “raise the heart and mind to God” directly. The article analyzes these poems that present different possibilities of implementation of this devotion. Lermontov is extremely diverse: from an “invoking” prayer and a direct “request” he comes to the revelation of the Holy Mother icon and to the understanding of a special influence of a prayer on a human’s soul. Joint review of these prayers forms an idea of a “full cycle” of the Divine’s poetical discovery: from romantic appeal to the Almighty together with perception of the darkness of a chosen way, to ironical “pleading” to the “Heavenly King” to liberate him from the ties of Junkerdom; from a passionate monologue to the Holy Virgin with prayers for the miserable beloved, to understanding of a prayers’ special meaning for a Christian, to creation of an overall wide and whole image of a prayer. A prayer without an “invoking” or a “request” is joyful and blessing at the same time; it is intended for a difficult and sad moments of life.

Keywords: Prayer, empathy, request, revelation, fulfilment

References

1. Gershtein E. *Sud’ba Lermontova [Lermontov’s fate]*. Moscow, Sovetskiy pisatel’ Publ., 1964. 496 p.
2. Durylin S. N. Na putyakh k realizmu [On the way to realism]. *Zhizn’ i tvorchestvo M. Yu. Lermontova. Issledovaniya i materialy [Life and creative works of M. Y. Lermontov. Research and materials]*. Coll. 1. Moscow, Goslitizdat Publ., 1941, pp. 163–250.
3. Kisileva I. A. *Tvorchestvo M. Yu. Lermontova kak religiozno-filosofskaya sistema [Mikhail Lermontov’s literary heritage as a religious and philosophical system]*. Moscow, Moscow State Regional University Publ., 2011. 313 p.
4. *M. Yu. Lermontov v vospominaniyakh sovremennikov [Mikhail Lermontov in the memoirs of his contemporaries]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1964. 583 p.
5. Maksimov D. E. *Poeziya Lermontova [Lermontov’s poetry]*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. 265 p.
6. Manuylov V. *Letopis’ zhizni i tvorchestva M. Yu. Lermontova [Chronicle of Lermontov’s life and creative work]*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. 200 p.
7. *Ocherki po istorii Russkoy Svyatosti [Outline of Russian Holiness history]*. Brussels, Zhizn’ s Bogom Publ., 1961. 420 p.

8. Pumpyanskiy L. Stikhovaya rech' Lermontova [Lermontov's poetic language]. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., vol. 43–44, pp. 389–424.
9. Sapogov V. A. Poeziya i molitva [Poetry and a prayer]. *Molitva poeta [Poet's prayer]*. Pskov, Sel'tso Mikhaylovskoe Publ., 1999. pp. 5–10.
10. Florenskiy P. A. *Imena [Names]*. Moscow, Eksmo-Press Publ., 1996. 355 p.
11. Eykhenbaum B. M. *Stat'i o Lermontove [Articles about Lermontov]*. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961. 372 p.